

Источники: Концепция ТО – Концепция национальной политики в Тюменской обл. на период 1999–2005 гг., утверждена постановлением Администрации Тюменской обл. от 6 ноября 1998 г. № 185; Постановление РБ – Постановление Кабинета министров Республики Башкортостан «О государственной программе “Народы Башкортостана” на 2003–2012 годы» от 31 декабря 2002 г. № 388.

V.V. Stepanov. Support for Language Diversity in the Russian Federation

Keywords: language policy, ethnic policy, European Charter for Regional or Minority Languages

ЭО, 2010 г., № 4

© О.Н. Подлесных

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕПИСНЫХ ДАННЫХ В ЦЕЛЯХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ В РОССИИ

Ключевые слова: Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств, переписи населения, языковая ситуация, тюркские языки, финно-угорские языки, Поволжье

В мае 2001 г. Россия подписала Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств (далее – Хартия), а в июне 2009 г. состоялось открытие Совместной программы Совета Европы и Европейской комиссии по сотрудничеству с Министерством регионального развития Российской Федерации “Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества”, в рамках которой стартовала подпрограмма по имплементации Хартии в России. Эксперты, участвующие в мероприятиях этой подпрограммы, а также представители правительства РФ в лице Министерства регионального развития, отмечая высокую степень готовности России к ратификации Хартии и принятию соответствующих обязательств в области защиты языков, вместе с тем указывали и на то обстоятельство, что необходимые статистические сведения относительно языковых ситуаций на разных территориях страны остаются разобщенными. В задачи автора этой статьи входит оценка российских переписей населения как источника информации о состоянии языковых сообществ России. Предлагаемая ниже общая характеристика переписных программ в отношении языков дополнена анализом языковых ситуаций в одном из наиболее сложных в данном отношении регионов – Поволжье.

Краткая история языковых программ в переписных опросах. Впервые вопросы о языке появились в программе бельгийской переписи 1846 г. В 1850-е годы этот вопрос вошел в переписные программы Пруссии и Швейцарии. На первом Международном статистическом конгрессе в Брюсселе в 1853 г. в качестве отдельного пункта

стандартизованного вопросника предлагалась категория “разговорный язык”. Поскольку официальным языком конгресса был французский, этот термин зафиксировали в документах конгресса как *langue parlée* (Tebarth 1991; цит. по: Arel 2002: 94). В 1876 г. на Всемирном конгрессе статистиков в Санкт-Петербурге он был определен как “язык, используемый при обычном общении”, однако различия между частным и публичным использованием языка проведено не было, хотя очевидно, что язык, используемый дома, может отличаться от языка, употребляемого на работе и в других публичных обстоятельствах. В России данный “обиходный” язык интерпретировали как *родной язык* – эта категория, использовавшаяся в городских подворных переписях 1860-х годов, была сохранена и в первой Всероссийской переписи 1897 г. Инструктивные материалы переписи не содержали определения указанной категории, которая, как известно, может определяться разными, подчас диаметрально противоположными способами¹. Однако анализ традиции ее использования в подворных переписях и переписи 1897 г. показывает, что чиновники имперской России хотя и считали язык объективным показателем этнической принадлежности или национальности (в терминах того времени *народности*), тем не менее полагали, что он может меняться на протяжении жизни человека или в ряду поколений.

Вопрос о языке, включенный в переписи европейских стран в последние два десятилетия XIX в. (в Австрии – в 1880 г., Венгрии – в 1880 г., Пруссии – в 1890 г., России – в 1897 г.), считался наиболее объективным показателем национальной принадлежности. После Первой мировой войны в государствах Центральной и Восточной Европы (например, в Румынии, Польше и Чехословакии) вместо использования языка как показателя национальной принадлежности появился прямой вопрос “Ваша национальность?”. В первых советских переписях он использовался как дополнение к вопросу о языке, а в переписи Чехословакии вместе с вопросом о языке: “Какова Ваша национальность (родной язык)?” (Arel 2002: 96).

В отличие от Восточной Европы, в странах Западной Европы языковые сообщества не приравнивались к отдельным национальностям, а скорее рассматривались как дву- или трехязычные проявления единой (бельгийской или швейцарской) нации. Эта противоположность подходов была затем принята теоретиками национализма в качестве основного различия между западноевропейским гражданским и восточноевропейским этническим национализмами. В этом контексте уместно вспомнить о концепции единого советского народа, пропаганда которой разворачивалась незадолго до распада Советского Союза, а также о нынешней концепции единой российской нации. Стоит, однако, отметить, что как в первом, так и во втором случае формула 170-язычной нации все же не звучала. Страны, в которых население говорит на пяти и более языках, сталкиваются со специфической, чисто терминологической проблемой: вместо дву- или трехязычия приходится говорить, например, о национально-русском двуязычии, объединяя все недоминирующие языки и их носителей в единую категорию, несомненно подрывающую идеологию “единства нации”.

Российские переписи и языковая политика. Основы государственной языковой политики в России закладывались в 1920-е годы, а отдельные ее черты формировались с середины XIX в. Языковая политика всегда была источником политических дебатов в царской, советской и постсоветской России, начиная с 1860-х годов (Blank 1988: 71). Неудивительно в этой связи, что советская власть буквально с первых дней своего существования занялась решением тех проблем в области языковой политики, которые представлялись тогда наиболее острыми. Так, уже 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г. по н. ст.) был принят декрет народного комиссара просвещения о введении нового правописания в России, а к концу того же года (10 октября 1918 г.) Совет народных комиссаров РСФСР принял декрет о введении новой орфографии (Собрание 1917: ст. 176.). Специалисты хорошо помнят дальнейшую историю с созданием новых алфавитов для языков меньшинств, латинизацией тех их письменностей, которые существовали на основе арабского шрифта, затем перевод письменности на кириллицу,

т.е. все те языковые реформы, которые известны как политика языковой поддержки, и постепенное свертывание их в начале 1930-х годов. В отношении некоторых языков перевод на кириллицу был осуществлен только в начале 1940-х годов (башкирский – 1940 г., алтайский – 1938 г., а уточненная версия алфавита последнего на основе кириллицы – лишь в 1944 г.) (Соколовский 2004: 67–73).

Если латиница обозначала символический разрыв с “шовинистической политикой царизма”, то возвращение кириллицы обосновывалось экономической необходимостью: “нацкадры” должны были полноценно функционировать в общенациональных (т.е. русскоязычных) политической, военной и экономической системах. Декрет СНК от 13 марта 1938 г. “Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей” был направлен на переход к *двуязычному образованию*. И результаты анализа переписей, вопреки распространенному мнению, показывают, что реализация декрета вовсе не означала возврата к политике русификации (Anderson, Silver 1984; Соколовский 2004: 71–72). Через два года после публикации декрета, в 1940 г., начальное образование на родных языках (1–4 классы) было обеспечено для всех нерусских народов, за исключением нескольких малочисленных групп в Сибири; в 5–7 классах в качестве языков обучения использовались лишь 11 языков, остальные преподавались как предмет; в старших классах обучение велось только на двух языках.

Реальным поворотом к утрате функционального двуязычия и переходу обучения на русский язык стал закон “Об образовании” 1959 г., который содержал положение о добровольном выборе родителями языка обучения для их детей, в результате чего введение русского языка в качестве языка обучения стало массовым. Однако и в этом случае, как убедительно продемонстрировали на основании анализа переписных данных и других статистических материалов американские демографы Барбара Андерсон и Брайан Сильвер, гипотеза о направленной политике русификации или централизации не подтвердилась. По мнению этих исследователей, собравших и разработавших весьма представительную базу данных и проанализировавших все доступные источники для проверки трех гипотез – *русификации, равенства языков и влияния статуса национально-административных образований*, лишь третья из них находит фактическое подтверждение. В соответствии с ней государственная языковая политика в 1934–1980 гг. может быть лучше всего описана как политика, направленная на двуязычие меньшинств (Silver, Anderson 1984). При этом существующие региональные различия лучше всего объясняются числом носителей языка, степенью компактности их расселения и различием в административном статусе территории (республика, автономная область, национальный район).

Мои собственные полевые данные – интервью и статистические данные о системе образования, собранные во время нескольких поездок в республики Поволжья – также подтверждают именно эту гипотезу. В задачи этой статьи не входит рассмотрение всего комплекса проблем, связанных с историей языковой политики; ее цель гораздо уже – раскрыть связь этой политики с переписями населения, в частности, с их языковыми программами. Я сомневаюсь, впрочем, что связь между языковой политикой и формулировкой вопросов в рамках конкретных переписей населения была простой или однозначной.

Постсоветская история политической мобилизации вокруг проблем языка и языковой идентичности как в новых постсоветских государствах, так и в российских республиках, хорошо описана. Сегодня в отношении каждого случая имеется множество монографий, в которых детально описывается ход событий в Эстонии, Латвии, Молдове, Казахстане, а также в ряде республик Поволжья, где вопросы языковой идентичности оказались в центре политической борьбы. Однако влияние этих событий на языковую программу пока единственной переписи в постсоветской России было, насколько мне известно, не слишком большим. Во всяком случае, такое влияние трудно заметить, если игнорировать публичное обсуждение программы переписи, а сосредоточиться на формулировках вопросов и их сравнении с предыдущими переписями (Табл. 1).

Таблица 1

Формулировки вопроса о языке в переписях²

Год	Формулировка вопроса	Разъяснения анкет и переписных инструкций
1897	12. Родной язык	Здесь записывается название того языка, который каждый считает для себя родным. Для русского языка достаточно обозначения “Р”, для малороссийского – “М”, для белорусского – “БЛ”, прочие же языки должны быть прописаны полностью, например, польский, французский, английский, немецкий, еврейский, татарский, мордовский и т.д.
1926	5. Родной язык	Родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит. Родным языком детей, не умеющих говорить, считать язык матери; родным языком глухонемых считается язык, которым они пользуются для общения с окружающими.
1939	8. Родной язык	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным. Родным языком для детей, еще не умеющих говорить, записывается язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, которым пользуется их семья или лица, с которыми они преимущественно общаются. Родной язык может не совпадать с национальностью.
1959	8. Родной язык	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записать название языка, которым опрашиваемый лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье. Родным языком для детей, еще не умеющих говорить, записывается язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут или которым пользуется их семья или лица, с которыми они преимущественно общаются. Родной язык может не совпадать с национальностью.
1970	8. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут, или которым пользуется их семья или лица, с которыми они преимущественно общаются. Родной язык может не совпадать с национальностью. После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком народов СССР (т.е. умеющих свободно разговаривать на этом языке), записать в нижней строке, каким (русским, украинским и т.п.) языком опрашиваемый еще владеет. Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет еще двумя и более языками народов СССР, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет. Лицам, не владеющим свободно другим языком народов СССР, а также детям, еще не умеющим говорить, в верхней строке записывается родной язык, а в нижней записывается “нет”.

Таблица 1 (продолжение)

Год	Формулировка вопроса	Разъяснения анкет и переписных инструкций
1979	8. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Родной язык может не совпадать с национальностью. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут, или которым пользуется их семья или лица, с которыми они преимущественно общаются. После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком народов СССР или умеющим только свободно разговаривать на этом языке, записывается название этого языка (русский, украинский, казахский, латышский и т.п.). Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет двумя или более языками народов СССР, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет.
1989	9. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Родной язык может не совпадать с национальностью. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут, либо которым пользуется их семья или лица, с кем они непосредственно общаются. После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком народов СССР, т.е. умеющим читать, писать и свободно разговаривать или только свободно разговаривать на этом языке, записывается название этого языка (русский, украинский, казахский, латышский и т.п.). Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет двумя или более языками народов СССР, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет.
2002	9.1. Владете ли Вы русским языком? (метка да/нет) 9.2. Какими иными языками Вы владеете? (три поля для ответов)	Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только разговаривать на данном языке. Вопрос Какими иными языками Вы владеете? В каждом прямоугольнике записывается название только одного языка. Первый прямоугольник предназначен для записи родного языка опрашиваемого. Для этого необходимо опрашиваемому задать вопрос: “Ваш родной язык?”. Если опрашиваемый называет родным языком русский язык, то в вопросе 9.2 он не записывается, но внизу переписного листа в зоне “Резерв” обязательно проставляется первая метка. Если помимо русского языка опрашиваемый владеет иными языками, то в трех прямоугольниках записывается название этих языков. Если родным языком является не русский язык, то в первом прямоугольнике записывается название родного языка. В остальных двух прямоуголь-

Таблица 1 (окончание)

Год	Формулировка вопроса	Разъяснения анкет и переписных инструкций
		<p>никах записывается название иных языков, которыми владеет опрашиваемый. Если опрашиваемый владеет большим числом иных языков, чем предусмотрено прямоугольников для их записи, то запишите языки по выбору опрашиваемого. Если опрашиваемый затрудняется выбрать, какие языки записать, то при записи предпочтение отдается языкам народов России и языкам коренных народов государств – участников СНГ. При этом, если опрашиваемый живет на территории республики (автономной области, округа), то среди языков народов России предпочтение отдается государственному языку данной территории. Запишите слово “нет” в каждую строку тем, кто не владеет иными языками, а также детям, еще не умеющим говорить.</p>

С 1897 по 1959 г. языковой блок переписей состоял из единственного вопроса “Родной язык”. Однако смысл, вкладываемый в это понятие, менялся от переписи к переписи, что отражено в инструкциях для переписчиков. Так, мы видим, что в первой Всероссийской переписи под этим понималась *языковая идентичность*, поскольку опрашиваемый должен был назвать язык, “который каждый считает для себя родным”. Кстати, инструкция по этому вопросу – самая краткая из всех рассматриваемых и, по существу, исчерпывается этой фразой. Есть еще только указания, как записывать конкретные названия языков. В переписи 1926 г. тот же вопрос направлен на выяснение уже *языковой компетенции* опрашиваемого, так как родным языком “признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит”.

Во всех переписях статистики стремились к однозначности. Все билингвы должны были выбрать один язык, как правило, тот, которым они пользуются в большей степени, поэтому переписные анкеты не давали возможности фиксировать два родных языка. Для сложных случаев в инструкциях приводились разъяснения и дополнительные вопросы. Например, не научившимся еще говорить детям рекомендовалось записывать язык матери.

В инструкции переписи 1939 г. возвращается понимание родного языка как языка, который “сам опрашиваемый считает своим родным”. Появляется ремарка: “Родной язык может не совпадать с национальностью”, которая сохранится во всех советских переписях. Не умеющим говорить детям предлагается записывать язык, “на котором обычно разговаривают в семье”.

Инструкция 1959 г. отличается от предыдущей тем, что предусмотрен случай, когда опрашиваемый затрудняется в выборе родного языка. Тогда следует записать название языка, которым он “лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье”.

В переписях 1970, 1979 и 1989 гг. кроме вопроса о родном языке задавался вопрос о владении иными языками народов СССР. Формулировки инструкций этих переписей практически идентичны. Родным языком считается язык, который опрашиваемый сам считает родным. Если он затрудняется с ответом, то следует записать тот язык, которым он лучше всего владеет, или тот, которым он обычно пользуется в семье.

Языковой блок переписи 2002 г., как, впрочем, и программа переписи в целом, существенно отличается от всех предыдущих советских переписей. Впервые вводится вопрос о владении государственным языком в формулировке: “Владеете ли Вы русским языком?” с полями для вариантов ответа (да/нет). Переписной бланк содержит еще один вопрос о языковой компетенции: “Какими иными языками Вы владеете?”, причем для ответов было предусмотрено три поля. Таким образом, человек мог в

9 ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКАМИ			
9.1 Владеете ли Вы русским языком?			
да	☐	нет	☐
9.2 Какими иными языками Вы владеете?			
<input type="text"/>	☐	☐	☐
<input type="text"/>	☐	☐	☐
<input type="text"/>	☐	☐	☐

Фрагмент переписной анкеты Всероссийской переписи населения 2002 г.
(блок вопросов о владении языками)

принципе зафиксировать владение четырьмя языками. В соответствии с инструкцией вопрос о родном языке задавался устно (бланк переписи его не содержал, однако первое поле вопроса 9.2 “Какими иными языками Вы владеете?” было отведено именно для ответа о родном языке). Общий контекст вроде бы предполагал и в этом случае выяснение языковой компетенции, однако сама формулировка вопроса (“Ваш родной язык”, вместо, например, “Владеете ли Вы языком своей национальности?”) не позволяет различать случаи фиксации языковой идентичности и языковой компетенции.

Ситуация была существенно осложнена и тем обстоятельством, что не везде инструктивные материалы поступили вовремя, и, следовательно, время на обучение переписчиков в отдельных случаях было упущено. Нагрузка на одного переписчика в крупных городах оказалась такова, что инструкция не соблюдалась, и вопрос о родном языке не задавался, поскольку его не было в бланках, и переписчику, даже если он знал инструкцию, следовало помнить о том, чтобы его задать. Все это сделало данные о владении родным языком/языковой идентичности ненадежными.

Сведения переписей населения о владении и пользовании языками традиционно необходимы для оценки языковой ситуации и разработки программ языковой поддержки, или, в общем случае, для формулирования целей и задач языковой политики. Перепись, проведенная в октябре 2002 г., представляет интересные и заслуживающие внимания сведения о владении языками, однако технология ее проведения создает значительные трудности для их анализа. На это уже обращали внимание многие исследователи, в том числе и специалисты Института этнологии и антропологии РАН, в частности, В.А. Тишков и М.Н. Губогло. Суть этих трудностей заключается в том, что анкета переписи 2002 г., в отличие от всех предыдущих отечественных переписей, не содержала вопроса о родном языке. Напомню, что в переписях 1897, 1926, 1939, 1959 гг. этот вопрос звучал в формулировке “Родной язык”, а в переписях 1970, 1979 и 1989 гг. эта же формулировка дополнялась формулой: “Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеете”.

Мотивом исключения вопроса о родном языке для разработчиков анкеты стала, как это можно понять из свидетельств одного из главных ее авторов – В.А. Тишкова (Тишков 2003), попытка устранения путаницы между данными о владении языком и языковой идентификацией, с неизбежностью возникающей при анализе ответов на вопрос о родном языке (зачастую остается неизвестным, что имел в виду человек, называя какой-либо язык родным – тот язык, которым он лучше всего владеет, или

тот, которым он может и вовсе не владеть, но который считает своим родным в связи с национальной принадлежностью).

Перепись могла бы дать четкие сведения о владении языками, дву- и трехязычии, столь необходимые для оценки языковой ситуации, если бы не брошюра с инструкциями для переписчиков, в которой указывалось, что вопрос о родном языке все же следует задавать, записывая ответ в случае русского языка в пункт 9.1, а в случае иного языка – в первую строку пункта 9.2. Если бы переписчики неукоснительно соблюдали эту инструкцию, то данные новой переписи, хотя и не решили бы старой проблемы различия языковой идентичности от сведений о владении языком, то все же позволили бы на основе полной преемственности с прежними переписями проводить сравнительно-исторический анализ и делать более или менее обоснованные оценки динамики языковой ситуации. Однако мониторинг переписи, проведенный группой экспертов в рамках международного проекта в 20 субъектах РФ, в котором я приняла участие, работая в качестве инструктора на переписном участке, обнаружил, что даже в Москве (не говоря уже о других регионах, куда инструктивные брошюры поступили позже или не поступили вовсе, а значит, и времени на обучение переписчиков по этим инструкциям практически не было) далеко не все переписчики, согласно инструкции, задавали отсутствующий в анкете вопрос о родном языке.

В итоге получилось так, что проконтролировать или обнаружить по заполненным анкетам, задавался ли вопрос о родном языке, или переписчик, следуя исключительно анкете, спрашивал только о владении русским и иными языками, оказалось невозможно. Точнее, этого нельзя определить относительно тех, для кого родной – любой язык, кроме русского. В случае, если родным являлся русский язык, согласно инструкции, помимо того, что отмечался вариант ответа “Да”, переписчиками вносилась дополнительная отметка внизу анкеты на специальном рабочем поле. Иными словами, для той совокупности переписанного населения, у которой родным языком был русский и которой во время опроса задавался вопрос о родном языке, сведения о владении и языковой идентификации можно разделить. Относительно иных языков такое разделение оказывается невозможным. Сопоставление полученных в переписи 2002 г. сведений с данными прежних переписей становится проблематичным.

Полученные итоги нельзя трактовать ни как сведения о владении языками (часть переписчиков все же задавала вопрос о родном языке, следуя инструкции), ни как сведения о языковой идентификации. То есть для анализирующих языковую информацию по итогам переписи обнаруживается невозможность разделить сведения о владении языками в языковых сообществах от сведений о владении языками в сообществах этнических. Остается единственный выход – рассматривать в отношении каждого конкретного случая два сценария: 1) вопрос о родном языке задавался, и ответы были занесены в анкету в полном соответствии с инструкцией; 2) вопрос о родном языке не задавался; были заданы лишь вопросы 9.1 и 9.2 о владении русским и иными языками.

Методические неточности, допущенные в инструктивных материалах переписи 2002 г., предполагалось устранить в предстоящей переписи 2010 г., которая пройдет в октябре и обсуждение программы которой началось еще в 2007 г. Если вопросы о национальности и языке будут сохранены в программе переписи 2010 г. (есть опасения, что эта тема вообще может исчезнуть из программы переписи в связи с новым российским законодательством о сборе персональных данных), то вопросы о языке необходимо сформулировать таким образом, чтобы отразить реальное распространение языков на территории РФ, а не языковую компетенцию (владение, степень которого остается крайне неопределенной) или языковую идентичность.

Эксперты Института русского языка РАН и Института этнологии и антропологии РАН на совместном заседании в феврале 2007 г. в ответ на запрос Росстата предложили следующие формулировки вопросов: “Говорите ли вы по-русски? (да/нет)”; “На каком

языке вы впервые начали говорить в детстве?” (две строки); “Какие языки вы используете в настоящее время?” (три строки). По их мнению, такая формулировка вопросов (использование глаголов “говорить” и “использовать”, а не “владеть” или “знать”) позволила бы избежать отражения в результатах предстоящей переписи владения иностранными языками в объемах школьной программы, четче разграничить языковую компетенцию и языковое самосознание и, по возможности, учесть распространение дву- и трехязычия, что позволило бы внести коррективы в языковую политику государства. Все это позволило бы получить более надежные сведения о реальном распространении языков в языковых сообществах России (Рекомендации 2007).

Языковая ситуация в республиках Поволжья. Обсуждение языковой ситуации и ситуации с языковыми правами в республиках Поволжья по ряду причин остается актуальным. Это не только причины правового характера – международные обязательства России по соблюдению европейских языковых стандартов в связи с ее членством в Совете Европы и ОБСЕ и ратификация соответствующих международных конвенций. Выбор региона интересен своей историей движений за языковые права и требований в этой области, которые в наиболее категоричной форме ставились и отчасти продолжают ставиться именно в тюркских и финно-угорских языковых сообществах этого региона. Относительно недавние дискуссии по поводу реформы татарского алфавита в Татарстане и положения татароязычного населения в Башкортостане, а также дискуссии вокруг принятого в мае 2003 г. закона “О языках в Чувашской Республике” подтверждают актуальность изучения ситуации с языковыми правами в Поволжье.

Выборочные итоги переписного опроса по наиболее крупным языковым сообществам рассматриваемого региона приведены в *Приложении (Табл. 1–6)*. При всех перечисленных оговорках и сложностях интерпретации сведения о владении языками и языковой идентификации, содержащиеся в итогах переписи, все же представляют значительный интерес. Специалистам известно, насколько острой остается ситуация с обеспечением языковых прав татароязычного населения в северо-западных районах Башкортостана. Примером могут служить требования татарских общественных организаций о признании за татарским языком статуса государственного в республике, особенно громко звучавшие сразу после принятия закона “О языках народов Республики Башкортостан” в 1999 г., в соответствии со ст. 3 которого статус государственных языков в республике был признан за башкирским и русским языками³.

Известно, что в последние годы в западных районах республики проводилось усиленное внедрение башкирского языка как обязательного предмета школьной программы. Согласно результатам переписи, численность башкир в республике впервые превысила численность татар, однако при этом сведения о языке демонстрировали резкий рост доли татароязычных башкир: в 2002 г. их доля выросла до 36,8%, в то время как в 1989 г. она составляла лишь 20,7%. Такой рост невозможно объяснить динамикой естественного или механического прироста. Очевидно, речь здесь должна идти об административном давлении на районные власти и переписчиков во время проведения переписи и манипуляциях с переписными анкетами. Правда, официальная проверка, проведенная Госкомстатом, не зафиксировала серьезных нарушений; факты административного давления были установлены во время мониторинга переписи в Бакалинском и Чекмагушевском районах республики (*Габдрафиков 2003; Ле Торривелек 2003*).

Довольно резко выросла и доля татар, отметивших владение башкирским языком – с 0,5% в 1989 г. до 11,1 в 2002 г., т.е. в 22 раза. Однако этот феномен, на мой взгляд, легко объясняется тем обстоятельством, что именно в переписи 2002 г. впервые вопрос о владении языками давал возможность назвать четыре языка (включая русский). Так как при подсчете итогов суммировались все татары, назвавшие

башкирский в качестве второго или третьего языка, рост владеющих башкирским становится статистическим артефактом: многие татары в республике и прежде владели башкирским, но структура анкеты в переписи 1989 г. не позволяла отразить владение четырьмя языками (владевшие русским могли назвать еще два – родной и “другой язык народов СССР, которым свободно владеете”; не владевшие русским называли лишь два языка – родной и “другой язык народов СССР”. Возможно, разумеется, и иные интерпретации этих результатов, поскольку неясность процедуры переписи 2002 г. по языку, отразившая противоречия между инструкцией и переписной анкетой, дает почву и для иных заключений. Предложенное здесь объяснение косвенно подтверждается тем обстоятельством, что четвертым языком по числу владеющих в республике оказался английский (его назвали более 149 тыс. чел. – Приложение. Табл. 1).

Английский занял четвертое место и в республиках Марий Эл, Мордовии и Удмуртии, а в Татарстане и Чувашии он вышел на третье место, опередив чувашский (в случае Татарстана) и татарский (в случае Чувашии), которые заняли четвертые места. Такие высокие показатели владения иностранными языками (значительное число людей во всех сравниваемых республиках региона указали также владение немецким и французским языками) косвенно подтверждает второй из названных мною ранее сценариев, а именно: вопрос о родном языке в большей части случаев не задавался; переписчики ограничились вопросами анкеты. Причинами этого может служить как уже отмеченное выше вполне вероятное незнание инструкции, так и высокая индивидуальная нагрузка на каждого переписчика, заставляющая их проводить опрос в высоком темпе и использовать разнообразие тактики минимизации усилий. В частности, наблюдения за переписью в Москве показали, что во многие квартиры переписчики не приходили, а заполняли бланки краткого опроса (так называемую форму К), либо опрашивали людей по телефону, используя лишь текст анкеты.

Если оценивать эффективность языковой политики в республиках в отношении нетитульного населения по доли владеющих языками своей национальности (сценарий второй сведения переписи действительно отражает реальное владения языками, а не языковую идентичность), то складывается следующая картина: **в Башкирии** владеют языком своей национальности 86,8% татар, 84,4 удмуртов, 83,7 марийцев; 77,6 чувашей и 65,6% мордвы; **в Марий Эл**, соответственно, 83,2% татар и 63,2% чувашей; **в Мордовии** – среди наиболее крупных языковых сообществ можно выделить лишь татар (92,5%); **в Татарстане** – 87,4% удмуртов, 86,5 чувашей, 78,2 мордвы, 74,5% марийцев; **в Чувашии** – 89,4% татар и 72,8% мордвы; **в Удмуртии** – 88,3% бесермян (удмуртским языком), 74,9% татар и 72,8% марийцев.

Это лишь весьма грубый и приблизительный показатель эффективности языковой политики в отношении меньшинств. Более точные оценки можно получить лишь при анализе переписной статистики на уровне районов, где появляется возможность привязать сведения о владении языками к районам компактного проживания меньшинств. Помимо этого дополнительные и весьма важные сведения могут быть получены из Росстата, если для исследователей станут доступными не только суммарные данные о владении языками, но и построчные сведения по порядку называния языков (напомню еще раз, что в графе “Какими иными языками Вы владеете?” были три строки для заполнения, и порядок ответов в анкетах мог бы дать интересные сведения для анализа).

Сравнение только что приведенных сведений о степени владения языками своей национальности, в которых не учитывалось владение русским и титульными языками, позволяет предположить, что в разных республиках, а возможно, и в разных районах внутри республик, применялись разные сценарии опроса – в одних вопрос о родном языке задавался чаще, в других – реже. Косвенным показателем, подтверждающим

эту гипотезу, могут служить данные о владении мордовскими языками. Специалистам хорошо известен факт значительной ассимиляции мордвы за пределами республики, выражающийся в утрате языка и этнической идентичности. Поэтому относительно высокие показатели владения языком своей национальности у мордвы в Татарстане и Чувашии косвенно свидетельствуют о том, что здесь, скорее всего, сведения о владении суммированы со сведениями об языковой идентификации, т. е. вопрос о родном языке задавался чаще. Без дополнительного анализа не удастся также разделить сведения о немецком как иностранном от данных о владении родным языком у немцев.

Что касается степени владения титульными языками в тех республиках Поволжья, где мне удалось провести полевые исследования⁴, то здесь складывается следующая картина (опять-таки, если трактовать данные переписи как сведения о реальном владении соответствующими языками): **в Башкирии** владение башкирским языком указали 74,7% опрошенных башкир; **в Марий Эл** марийским языками, по данным переписи, владели 84,2% марийцев; **в Мордовии** мордовскими языками – 84,6% мордвы; **в Татарстане** татарским – 95,1% татар (включая кряшен); **в Чувашии** чувашским – 85,8% чувашей; **в Удмуртии** удмуртским – 71,9% удмуртов (включая бесермян). Показатель по Мордовии представляется завышенным, что свидетельствует о том, что на территории республики вопрос о родном языке, по всей видимости, все же задавался достаточно часто.

По данным проведенного мной экспертного опроса на территории республики и полученным оценкам экспертов, престиж мордовских языков остается низким, поэтому родители учеников, руководствуясь прагматическими соображениями, часто не желают отдавать детей в национальные школы и не требуют открытия классов и выделения дополнительных часов в школьных учебных планах на изучение родного языка и литературы. Известно, что статус государственных мордовские языки получили только в сентябре 1995 г. В мае 1998 г. был принят закон “О государственных языках в Республике Мордовия”. В соответствии со ст. 10 этого закона “во всех учебных заведениях Республики Мордовия наряду с языком обучения независимо от ведомственной принадлежности этих заведений может изучаться мордовский язык (мокшанский или эрзянский)”. По сравнению с аналогичными нормами, например, в Татарстане, где изучение татарского в школах является обязательным, факультативное изучение мордовских языков (подразумеваемое формулой “может изучаться”) не привело к радикальным изменениям в национальном образовании: уровень охвата школьников эрзян и мокшан обучением на родном языке в среднем по республике не достигал 30% в 1999/2000 и 2001/2002 учебных годах и остается практически таким же сегодня.

Изложенные наблюдения позволяют прийти к заключению, что переписные материалы могут использоваться для оценки языковых ситуаций лишь с известными оговорками, причем в случае каждой из переписей должны быть выработаны свои система поправок и методика оценки. Для взаимной коррекции переписных данных необходимо использовать сведения о распространении языков последних четырех-пяти переписей населения (1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг.), поскольку они характеризуют различные поколения современного населения страны.

Анализ языковых ситуаций в республиках Поволжья также свидетельствует о необходимости дифференцированных подходов: можно определенно утверждать, что в каждой из республик применительно к каждому из бытующих на ее территории языков придется разрабатывать если не уникальную, то все же отдельную модель (меню из пунктов Хартии), а ряде случаев такие отдельные модели необходимы и на уровне районов. Иными словами, в многоязычном регионе Поволжья, в котором контактируют как близкие друг другу языки, так и языки разных семей, вряд ли удастся обойтись ограниченным набором моделей языковой защиты.

Приложение

Таблица 1

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Башкирии*

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Башкиры 1 221 302	Русские 14 907 15	Татары 990 702	Чуваши 117 317	Марийцы 105 829	Украинцы 55 249	Мордва 26 020	Удмурты 22 625	Лица других национальностей
Русским	3 957 908	1 135 714	1 481 250	955 368	114 001	302 719	5 088	25 835	20 662	—
Татарским	1 396 947	449 207	21 519	859 748	22 345	27 330	1 197	919	8 623	5 981
Башкирским	1 056 871	912 204	14 765	109 799	9 126	3 548	556	323	2 921	3 570
Английским	149 324	36 667	61 833	42 146	1 661	1 241	1 936	317	295	3 194
Чувашским	98 488	1 909	2 400	2 207	91 050	331	80	353	12	143
Лугово-восточным марийским (марийским)	95 405	3 126	1 396	1 512	164	88 605	39	27	432	97
Немецким	64 900	15 198	24 440	17 373	1 080	1 053	1 022	259	101	4 367
Украинским	25 719	417	4 285	538	81	54	19 726	46	6	564
Удмуртским	21 475	1 336	270	495	8	217	10	9	19 102	28
Узбекским	19 602	5 151	717	8 873	208	94	40	8	18	4 493
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	19 394	93	1 488	144	460	17	60	17 078	19	35
Горномарийским	3 381	69	46	40	4	3 213	1	—	8	—

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Таблица 2

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Марий Эл

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Марийцы 312 178	Русские 345 513	Татары 43 377	Чуваши 7 418	Лица других национальностей
Русским	714 795	302 719	345 173	41 972	7 394	–
Лугово-восточным марийским (марийским)	254 108	245 151	6009	2 060	419	466
Татарским	40 632	2997	883	36 101	167	483
Английским	23 058	5239	15 633	1 200	192	792
Горномарийским	18 056	17 825	135	7	71	18
Немецким	9 953	3160	5709	456	126	500
Чувашским	5 364	377	186	97	4 691	12
Украинским	3 765	135	933	35	9	2 653
Французским	2 317	683	1401	132	20	80
Удмуртским	1 876	82	54	29	–	1 710
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	663	11	34	1	1	616
Башкирским	279	58	5	64	2	150

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Таблица 3

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Мордовии

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Мордва 283 861	Русские 540 717	Татары 46 261	Лица других национальностей
Русским	880 399	280 238	540 491	45 259	–
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	248 899	240 285	7881	352	380
Татарским	43 825	237	601	42 769	218
Английским	16 717	3 248	11 970	790	709
Немецким	10 538	2 745	6 957	514	322
Украинским	3 546	106	821	30	2 589
Чувашским	749	9	27	9	704
Лугово-восточным марийским	123	2	5	1	115

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Таблица 4

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Татарстана

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Татары 2 000 116	из них: кряшены 18 760	Русские 1 492 602	Чуваши 126 532	Удмурты 24 207	Украинцы 24 016	Мордва 23 702	Марийцы 1 887	Лица других национальностей
Русским	3 613 788	1 858 238	17 613	1 482 006	119 853	22 416	23 877	23 477	18 041	—
Татарским	201 4517	1 884 442	17 412	64 143	25 369	9 633	1 064	1 387	6 563	21 891
Английским	136 480	70 487	454	58 959	1 509	241	1 142	238	344	3 553
Чувашским	119 802	6 602	57	3 111	109 492	154	72	212	27	132
Немецким	45 520	21 153	211	20 232	909	140	525	165	210	2 183
Удмуртским	23 286	1073	27	780	85	21 157	16	6	115	54
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	20 797	297	6	1 454	387	5	19	18 540	34	61
Украинским	18 710	1 101	9	4 315	67	5	12 561	18	14	629
Лугово-восточным марийским	15 435	837	13	474	34	46	4	10	13 990	40
Башкирским	11 765	3 961	31	107	76	15	4	1	32	7 569

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Таблица 5

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Чувашии*

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Чуваши 889 268	Русские 348 515	Татары 36 379	Мордва 15 993	Лица других национальностей
Русским	1 267 455	850 276	347 986	32 642	15 952	–
Чувашским	797 162	763 242	16 647	14 609	855	1 806
Английским	50 550	28 446	19 654	985	165	1 299
Татарским	39 968	6 566	569	32 507	103	223
Немецким	25 457	17 932	6 400	331	121	672
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	12 766	342	760	18	11 616	30
Украинским	4 726	456	1 152	15	8	3 095
Лугово-восточным марийским	1 534	267	117	9	6	1 135
Горномарийским	911	63	43	1	8	796

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Примечания

¹ Так, в некоторых документах ООН “родной язык” определяется как “язык, на котором человек обычно говорил дома в детстве” (Silver 1986: 88), в то время как, например, в швейцарской переписи 1950 г. он же определен как “язык, на котором думаешь и которым владеешь лучше всего” (Lévy 1964: 261. Цит. по: Arel 2002: 99).

² В таблицу не включена перепись 1920 г., поскольку она не охватывала население всей страны из-за гражданской войны; программа переписи 1937 г. совпадала с программой переписи 1939 г., однако ее материалы были признаны дефектными и остаются неопубликованными.

³ Подробнее см.: Габдрафиков 1999; Габдрафиков, Баймухаметова 2003.

⁴ Итоги полевых работ 1997–2002 гг. отражены в следующих публикациях автора: Подлесных 1997, 1999, 2001а, 2001б, 2001в, 2002а, 2002б, 2002в, 2005, 2007а, 2007б, 2009. Материалы об обеспечении языковых прав в судебной системе и учреждениях высшего образования находятся в архиве автора.

Литература

- Габдрафиков 1999 – Габдрафиков И. Принят закон “О языках народов Республики Башкортостан” // Бюл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Вып. 23. Январь–февраль 1999 г. С. 20–22.
- Габдрафиков 2003 – Габдрафиков И. Перепись населения в Башкирии: материалы полевой этнографии // Этнография переписи-2002. М., 2003. С. 101–134.
- Ле Торривелек 2003 – Ле Торривелек К. Перепись и идентичности: Башкирия в октябре 2002 года // Этнография переписи-2002. С. 94–100.
- Габдрафиков, Баймухаметова 2003 – Габдрафиков И., Баймухаметова Г. Республика Башкортостан // На пути к переписи. М., 2003. С. 65–100.
- Подлесных 1997 – Подлесных О.Н. Языковые права меньшинств в области образования (на примере республик Поволжья) // Номо Juridicus. М., 1997. С. 178–192.
- Подлесных 1999 – Подлесных О.Н. Языковые права коренных народов в области образования (государственное регулирование или обычное право) // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 163–166.

Таблица 6

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Удмуртии

Указавшие владение языком	Численность владеющих соответствующим языком	Удмурты 460 584	Русские 944 108	Татары 109 218	Украинцы 11 527	Марийцы 8 985	Бесермяне 2 998	Лица других национальностей
Русским	1 556 784	453 243	941 665	108 136	11 515	8 834	2 914	—
Удмуртским	354 824	330 801	15 600	4865	153	307	2 573	524
Татарским	89 689	3 185	2 422	80 963	35	599	141	2 343
Английским	52 069	6 839	39 151	3 970	606	129	49	1 321
Немецким	22 688	4 011	15 469	1 675	290	106	25	1 112
Украинским	7 620	178	1 940	71	5 142	10	5	274
Лугово-восточным марийским	6 981	126	191	83	8	6 541	1	31
Азербайджанским	3 666	34	111	63	2	8	—	3 448
Армянским	2 975	34	87	9	7	3	—	2 835
Башкирским	2 839	263	59	525	2	41	—	1 949
Чувашским	1 741	9	78	40	1	1	—	1 612
Узбекским	1 467	52	226	418	10	2	—	759
Белорусским	1 388	18	211	9	38	—	—	1 112
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	557	3	48	4	4	1	—	497
Горномарийским	257	11	12	7	—	227	—	—

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

- Подлесных 2001а* – *Подлесных О.Н.* Плюрализм режимов защиты прав меньшинств и языковое законодательство в тюркоязычных республиках Поволжья // Плюрализм и региональная политика в полиэтнических государствах. М., 2001. С. 109–121.
- Подлесных 2001б* – *Подлесных О.Н.* Нарушение языковых прав меньшинств // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. М., 2001. С. 109.
- Подлесных 2001в* – *Подлесных О.Н.* Игрушка в руках закона? (Языковые права в судопроизводстве республик Поволжья) // IV Конгресс этнографов и антропологов России... С. 121.
- Подлесных 2002а* – *Подлесных О.Н.* О состоянии национального образования (Мордовия) // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюл. № 38. М., 2002. С. 16–20.
- Подлесных 2002б* – *Подлесных О.Н.* Средства массовой информации и национальная политика (Удмуртия) // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском... Бюл. № 38. С. 34–36.
- Подлесных 2002в* – *Подлесных О.Н.* Система национального образования в Татарстане // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском... Бюл. № 39. С. 34–37.
- Подлесных 2005* – *Подлесных О.Н.* Языковая ситуация в республиках Поволжья по данным переписи 2002 г. // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г. СПб., 2005. С. 462.
- Подлесных 2007а* – *Подлесных О.Н.* Социолингвистические сведения о положении с языковыми правами меньшинств в республиках Поволжья // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Саранск, 9–14 июля 2007 г. М., 2007. С. 89.
- Подлесных 2007б* – *Подлесных О.Н.* Языковая ситуация в республиках Поволжья // Этнокультурный облик России / Отв. ред.: В.В. Степанов, В.А. Тишков. М., 2007. С. 93–100.
- Подлесных 2009* – *Подлесных О.Н.* Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств и деятельность Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. М., 2009. С. 289.
- Рекомендации 2007 – Рекомендации совместной рабочей группы Института русского языка РАН и Института этнологии и антропологии РАН по формулированию вопросов о языке в переписи 2010 г. Москва, 20 февраля 2007 г. Рукопись.
- Собрание 1917 – Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 12. Пг., 1917. № 12.
- Соколовский 2004* – *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
- Тишков 2003* – *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 161. М., 2003. С. 25–35.
- Arel 2002* – *Arel D.* Language categories in censuses: backward- or forward-looking? / Eds. D. Arel, D.I. Kertzer. *Census and Identity: the Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses.* Cambridge: University Press, 2002. P. 92–120.
- Blank 1988* – *Blank S.* The Origins of Soviet Language Policy 1917–21 // *Russian History.* 1988. Vol. 15. № 1. P. 71–92.
- Lévy 1964* – *Lévy P.M.* Quelques problèmes de statistique linguistique à la lumière de l'expérience belge // *Revue de l'Institut de Sociologie.* 1964. Vol. 37. P. 260–275.
- Silver 1986* – *Silver B.* The Ethnic and Language Dimensions in Russian and Soviet Censuses // *Research Guide to the Russian and Soviet Censuses* / Ed. R. Clem. Ithaca, N.Y.: Cornell UP, 1986.
- Silver, Anderson 1984* – *Silver B., Anderson B.A.* Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980 // *The American Political Science Review.* 1984. Vol. 78. № 4. P. 1019–1039.
- Tebarth 1991* – *Tebarth H.-J.* Geschichte der Volkszählung // *Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897* / Hrsg. H. Bauer, A. Kappeler, B. Roth. Vol. 1. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991. S. 25–87.

O.N. Podlesnykh. Ways of Using Census Data for the Implementation of the European Charter for Regional or Minority Languages in Russia

Keywords: European Charter for Regional or Minority Languages, Russian population census, linguistic situation, Turkic and Finno-Ugric languages, Volga region